

ВОЛЬТЕР

Философские
повести

Франсуа-Мари Аруэ Вольтер
Кози-Санкта
Серия «Философские повести»

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158231

Вольтер «Философские повести»: Правда; Москва; 1985

Аннотация

Первая публикация этой новеллы была снабжена следующим предуведомлением: «Г-жа герцогиня дю Мэн придумала лотерею, в которой разыгрывались темы всевозможных сочинений, в стихах и прозе. Вытащивший билетик должен был написать означенное там сочинение. Г-жа де Монтобан, вытащив тему новеллы, попросила г-на Вольтера написать эту новеллу за нее, и Вольтер предложил ей нижеследующую сказку».

Содержание

Вольтер

Кози-Санкта. Малое зло ради Великого Блага

Ложно изречение, гласящее, что не дозволено вершить малое зло, из коего может проистечь великое благо. Совершенно того же мнения был и блаженный Августин ¹, в чем нетрудно убедиться, прочитав в его книге «О Граде Божием» рассказ о маленьком происшествии, случившемся в его епархии во времена проконсульства Септимия Ацидия.

Жил в Гиппоне ² старый священнослужитель, основатель многочисленных братств, исповедник всех молодых девиц своего прихода; поговаривали, будто на него нисходит божья благодать, потому что он брался предсказывать судьбу и недурно справлялся с этим делом.

Однажды привели к нему девушку по имени Кози-Санкта ³, прекраснейшую девицу во всей округе. Отец и мать ее

---

¹ Августин (354 – 430) – христианский богослов и писатель. Рассказанная далее Вольтером история содержится, однако, не в сочинении Августина «О граде Божием», а в его толковании «Нагорной проповеди».

² Гиппон – древний город в Нумидии; здесь Августин был епископом, умер и был похоронен.

³ Имя героини рассказа Вольтер составил из двух слов – итальянского и латинского; ее имя может быть переведено как «уж такая набожная» (или «уж такая святая»).

были янсенисты ⁴ и воспитали дочь в правилах самой суровой добродетели; и никому из ее воздыхателей не удавалось хоть на миг отвлечь ее от молитв. Уже несколько дней она была помолвлена с морщинистым старичком по имени Капито, состоявшим советником при суде в Гиппоне. То был угрюмый и ворчливый человек, не лишенный ума, но сухой, насмешливый и довольно злобный; к тому же он был ревнив, как венецианец, и ни за что не согласился бы сделаться приятелем поклонников своей жены. Юная девица изо всех сил старалась полюбить его, поскольку ему предстояло стать ее мужем, но при самом искреннем усердии ничуть в этом не преуспела.

Она отправилась к своему исповеднику, желая узнать, будет ли ее замужество счастливым. Добряк сказал ей тоном пророка: «Дочь моя, твоя добродетель станет причиной многих несчастий, но придет день, когда тебя причислят к лику святых за то, что ты три раза будешь неверна своему мужу».

Такое предсказание удивило и крайне смутило невинную красавицу. Она расплакалась; она потребовала объяснений, полагая, что в словах священника кроется некий таинственный смысл. Однако он разъяснил ей лишь то, что три раза означает не три свидания с одним и тем же любовником, а три различных приключения.

---

⁴ Янсенисты – последователи учения голландского богослова Корнелия Янсения (1585-1638), сторонники строгой религиозной морали. Янсенистов, естественно, не существовало в IV – V вв., когда происходит действие рассказа.

Тут Кози-Санкта зарыдала во весь голос; она наговорила священнику дерзостей и поклялась, что никогда не будет причислена к лику святых. Между тем, как вы скоро увидите, случилось так, как он предсказал.

В недолгом времени она вышла замуж. Свадьба была самая приличная, Кози-Санкта довольно твердо выдержала все непристойные речи, все пошлые двусмысленности, все чуть прикрытые грубости, какими, по обыкновению, смущают стыдливость новобрачной. Она очень грациозно танцевала с несколькими молодыми людьми, весьма стройными и милыми, коих ее супруг нашел на редкость безобразными.

Она улеглась в постель с маленьким Капито, испытывая некоторое отвращение. Большую часть ночи она проспала и проснулась в самом мечтательном расположении духа. Однако предметом ее мечтаний был не столько муж, сколько некий молодой человек по имени Рибальдос, который помимо ее воли запал ей в голову. Сей молодой человек, казалось, был вылеплен руками самого Амура; он перенял его грацию, его дерзость и ветреность; он был немного нескромен, но лишь с теми, которые того сами желали; он был баловнем Гиппона. Все женщины в городе перессорились из-за него, а он перессорился со всеми мужьями и мамашами. Обычно он влюблялся по легкомыслию, иногда и по тщеславию; но в Кози-Санкту влюбился по сердечному влечению, и тем сильнее, что победы над нею добиться было нелегко.

Как умный человек, он сперва постарался понравиться

мужу. Он льстил ему на все лады, хвалил его внешность, его легкий и приятный нрав. Он проигрывал ему в карты и всякий день по-дружески открывался ему в какой-нибудь бездельце. Кози-Санкта находила его самым любезным кавалером на свете: она уже любила его 92 больше, чем сознавала сама, она об этом не догадывалась, но муж догадался за нее. Хоть и был он самолюбив, как только может быть самолюбив низкорослый мужчина, все же начал сомневаться, что Рибальдос посещает их дом только ради него одного. Под каким-то пустячным предлогом он порвал с молодым человеком и отказал ему от дома.

Кози-Санкта очень огорчилась и не посмела этого высказать; а Рибальдос от чинимых ему препятствий влюбился еще сильнее и только и делал, что подстерегал случай с ней увидеться. Он рядился монахом, торговкой женскими красками, комедиантом, водящим марионетки; но этого оказалось слишком мало, чтобы восторжествовать над его милой, и слишком много, чтобы остаться не узнанным ее мужем. Будь Кози-Санкта заодно со своим воздыхателем, они сообща приняли бы надежные меры, чтобы усыпить его подозрения, но она боролась со своей склонностью к Рибальдосу, ей не в чем было себя упрекнуть, она спасла все, кроме обманчивой видимости, и муж счел ее кругом виноватой.

Старикашка, весьма гневливый по природе, вообразил, будто честь его зависит от верности жены, осыпал ее оскорблениями и наказал за то, что ее находили красивой. Она очу-

тилась в самом ужасном положении, в каком только может очутиться женщина: муж несправедливо обвинил ее и дурно с нею обращался, а сердце ее разрывалось от страсти, которую она пыталась одолеть.

Она подумала, что если возлюбленный перестанет ее преследовать, то, может быть, муж перестанет проявлять к ней несправедливость; ей казалось, что она с радостью избавится от любви, коей нечем будет более питаться. И с этой мыслью она решилась написать Рибальдосу следующее письмо:

«Если вы достойный человек, не длите моего несчастья; вы меня любите, и ваша любовь навлекает на меня подозрения и жестокость со стороны господина, коему я отдана на всю жизнь. И дал бы господь, чтобы то была единственная грозящая мне опасность! Сжальтесь надо мною, прекратите ваши преследования, заклинаю вас той самой любовью, что составляет ваше и мое несчастье и никогда не сделает вас счастливым».

Бедная Кози-Санкта не предусмотрела, что столь нежное, хоть и добродетельное письмо может произвести действие прямо противоположное тому, на которое она рассчитывала. Письмо это до крайности воспламенило сердце ее возлюбленного, и он решил поставить на карту жизнь, лишь бы увидеться с предметом своей страсти.

Капито оказался достаточно глуп, пожелал узнать все и завел хороших шпионов; поэтому он узнал, что Рибальдос, перерядившись монахом нищенствующего ордена кармелитов

⁵, явится просить подаяния у его жены. Он решил, что все пропало: ему вообразилось, будто ряса кармелита для чести мужа опаснее всякой иной одежды. Он везде расставил своих людей, чтобы как должно отделать Рибальдоса, и те постарались свыше всякой меры. При входе в дом молодой человек был встречен этими господами, и, сколько он ни кричал, что он честный кармелит и что так не обращаются с бедными монахами, его жестоко отколотили, и недели через две он умер от полученного по голове удара. Все женщины Гиппона оплакивали его. Кози-Санкта была безутешна, даже сам Капито остался недоволен, но по иной причине: он угодил в крайне неприятную историю.

Рибальдос был родственником проконсула Ацидия. Сей римлянин пожелал примерно наказать виновников убийства, а поскольку у него были нелады с гиппонским судом, он не прочь был повесить одного из судейских. Не представляло затруднений устроить так, чтобы жребий пал на Капито: ведь он был самый тщеславный, самый несносный крючкотвор во сеем крае.

Итак, Кози-Санкта увидела своего возлюбленного убитым, ей предстояло увидеть своего мужа повешенным; и все по той единственной причине, что она была добродетельна; ибо, как я уже говорил, ей куда легче было бы обмануть мужа, если бы она подарила свею благосклонность Рибальдосу.

---

⁵ Кармелиты – члены нищенствующего монашеского ордена, основанного в 1154 г. Монахов-кармелитов, конечно, не могло быть во времена Августина.

Вот каким образом исполнилась первая половина пророчества священника. Кози-Санкта вспомнила об этом и очень испугалась, как бы не исполнилась и вторая половина; но, поразмыслив, она пришла к убеждению, что нельзя оспаривать судьбу, и отдалась на волю провидения, кое повело ее к конечной цели самыми благовидными путями.

Проконсул Ацидий был человек скорее распутный, нежели сладострастный; он не видел удовольствия в долгих ухаживаниях, был груб и развязен, как истинный гарнизонный лев; в провинции его очень боялись, и все женщины Гиппона уступали его домогательствам единственно для того, чтобы с ним не ссориться.

Он велел привести к себе госпожу Кози-Санкту; она явилась вся в слезах, но от этого лишь возросла ее привлекательность.

– Вашего мужа должны повесить, сударыня, – сказал проконсул, – и вы одна можете его спасти.

– Я бы отдала свою жизнь за его жизнь, – отвечала дама.

– Не то от вас требуется, – возразил проконсул.

– А что же надо сделать? – спросила она.

– Я прошу у вас лишь одну вашу ночь, – сказал проконсул.

– Мои ночи мне не принадлежат, – отвечала Кози-Санкта. – Это достояние моего мужа. Чтобы спасти его, я отдала бы всю свою кровь, но не могу отдать свою честь.

– А если ваш муж согласится?

– Он хозяин, – отвечала Кози-Санкта. – Каждый волен рас-

поряжаться своим достоянием, как ему угодно. Но я знаю своего мужа: он человек упрямый, он скорее согласится быть повешенным, чем позволит дотронуться до меня хотя бы пальцем.

— Ну, это мы посмотрим,— возразил разгневанный судья.

Он тут же посылает за преступником. Он предлагает ему на выбор сделаться висельником либо сделаться рогоносцем; решать надо немедленно. Старикашка все же упрямится. Наконец поступает так, как поступил бы на его месте всякий. Жена из милосердия спасла ему жизнь; и это была первая неверность из трех.

В тот же день захворал ее сын, заболел необычайной болезнью, не известной никому из лекарей в Гиппоне. Только один врачеватель знал секрет этой болезни, но он жил в Аквиле, в нескольких лье от Гиппона. А в те времена лекарю, обосновавшемуся в каком-нибудь городе, запрещалось заниматься своим ремеслом еще и в другом месте. Кози-Санкте пришлось самолично отправиться в Аквилу в сопровождении брата, нежно ею любимого, чтобы постучаться в двери к лекарю. По дороге ее остановили разбойники. Главарю этих господ она показалась весьма привлекательной; а так как разбойники уже собирались убить ее брата, главарь приблизился к даме и сказал ей, что, если она проявит некоторую снисходительность, брат ее останется в живых и это ничего не будет ей стоить. Дело не терпело, отлагательства; Кози-Санкта только что спасла мужа, которого вовсе не люби-

ла; ей грозила потеря брата, коего она любила всю душой; к тому же ее тревожило опасное состояние сына; нельзя было терять ни минуты. Она поручила себя господу и сделала то, что от нее требовалось, и это была вторая неверность из трех.

В тот же день прибыла она в Аквилу и вышла из кареты у дома врачевателя. То был модный лекарь, за какими женщины посылают, когда им делается дурно и когда им ничего не делается. Для одних он был наперсником, для других любовником; человек учтивый и снисходительный, впрочем, пребывавший в несколько натянутых отношениях с медицинским факультетом, над коим при случае весьма остроумно насмешничал.

Кози-Санкта изложила ему все признаки болезни своего сына и предложила ему большой сестерций (заметьте, что большой сестерций, в переводе на французскую монету, составляет тысячу экю и более).

— Не такой монетой я желаю быть вознагражден, сударыня,— сказал галантный лекарь.— Я предложил бы вам все мое состояние, ежели бы вы согласились принять плату за лечение, кое можете произвести вы сами: исцелите меня от страданий, которые вы мне причиняете, и я верну здоровье вашему сыну.

Такое предложение показалось нашей даме сумасбродным, но судьба уже приучила ее к странным вещам. Лекарь упорствовал и не желал никакого иного вознаграждения за

свое лекарство. Рядом с Кози-Санктюй не было мужа, чтобы посоветоваться, а могла ли она дать умереть обожаемому сыну, не оказав ему такой пустячной помощи? Она была столь же доброй матерью, как и доброй сестрой. Она купила лекарство по запрошенной цене; и это была последняя неверность из трех.

Она вернулась в Гиппон вместе с братом, который всю дорогу непрестанно благодарил ее за то мужество, с каким она спасла ему жизнь.

Так Кози-Санкта, будучи непреклонной, погубила своего возлюбленного и способствовала присуждению к смерти своего мужа, а проявив снисходительность, сохранила жизнь брату, сыну и мужу. Люди сочли, что такая женщина крайне необходима в каждой семье; после кончины причислили к лику святых за то, что она, приняв в мученичество, сделала так много добра своим близким, и на могиле ее начертали:

Малое зло ради великого блага.